

Научная статья

УДК 334.241.8

doi 10.63118/3034-3259.2026.9.3.003

Противоречия правовой системы в сфере защиты от сексуального насилия: поиск баланса между законом и справедливостью

СОФИЯ ЭДУАРДОВНА ЛАКСАЕВА

Московский университет имени А.С. Грибоедова, Москва, Россия,
laxaevasofia@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема уголовно-правовой защиты от сексуального насилия. Рассматриваются правовые аспекты проблемы, а также выявляются противоречия правовой системы в сфере защиты от сексуального насилия. Автор приходит к выводу, что в вопросе уголовно-правового противодействия сексуальному насилию недопустим формализм, следует исходить из поиска баланса между законом и справедливостью.

Ключевые слова: сексуальное насилие, уголовно-правовая защита, противоречия, закон и справедливость.

5.1.4 Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Лаксаева С. Э. Противоречия правовой системы в сфере защиты от сексуального насилия: поиск баланса между законом и справедливостью // Lex criminalis scientiarum. 2026. Том 3. № 3 (9). С. 185-189 doi 10.63118/3034-3259.2026.9.3.003.

Original article

Contradictions in the Legal System Regarding Protection from Sexual Violence: Finding a Balance Between Law and Justice

SOFIA E. LAXAEVA

Moscow University named after A.S. Griboedov, Moscow, Russia,
laxaevasofia@yandex.ru

Abstract. The article examines the issue of criminal-legal protection against sexual violence. The legal aspects of the problem are considered, and contradictions in the legal system in the area of protection against sexual violence are identified. The author concludes that formalism is unacceptable in the issue of criminal-legal counteraction to sexual violence; it is necessary to seek a balance between law and justice.

Keywords: sexual violence, criminal law protection, contradictions, law and justice.

5.1.4. Criminal legal sciences.

For citation: Laxaeva S.E. Contradictions in the Legal System Regarding Protection

From Sexual Violence: Finding a Balance Between Law and Justice. Lex criminalis scientiarum. 2026, vol. 3, no. 3 (8), pp. 185-189. doi 10.63118/3034-3259.2026.9.3.003.

Законы не всегда справедливы, а справедливость не всегда законна – это действительно фундаментальное и вечное противоречие в основе любого общества. Это не просто игра слов, а отражение глубокого философского и практического конфликта между двумя системами регулирования человеческих отношений: формальной (право) и моральной (справедливость).

В правовой практике нередко возникают ситуации, когда формальное следование закону приводит к результатам, воспринимаемым обществом как несправедливые, либо когда морально оправданные действия оказываются вне правового поля. Особенно остро эта проблема проявляется в сфере противодействия сексуальным преступлениям, где столкновение юридических норм, психологических реалий и моральных установок порождает сложные коллизии.

Настоящая статья посвящена анализу противоречий между буквой закона и представлениями о справедливости в контексте преступлений, предусмотренных статьями 131 («Изнасилование») и 132 («Насильственные действия сексуального характера») УК РФ, а также вопросам освобождения от уголовной ответственности за подобные деяния.

Теоретический контекст проблемы лежит в различии подходов: закон оперирует формализованными составами преступлений, требующими доказательства конкретных объективных и субъективных признаков, тогда как справедливость предполагает учёт всей совокупности обстоятельств, включая субъективное восприятие жертвы, долгосрочные последствия деяния и социально культурный контекст. В уголовном праве справедливость традиционно связывается с соответствием наказания тяжести преступления, учётом индивидуальных обстоятельств дела и обеспечением баланса между защитой прав потерпевшего и гарантиями для обвиняемого. Однако на практике жёсткая кодификация составов создаёт зоны рассогласования.

Одной из ключевых проблем является квалификация «согласия» под давлением. Согласно закону, изнасилование признаётся только при наличии насилия, угрозы его применения или беспомощного состояния потерпевшего (ст. 131 УК РФ) [2; 3, с. 325]. Однако в реальности жертва может «согласиться» на сексуальные действия не из свободного волеизъявления, а вследствие: страха долгосрочных последствий (например, шантажа с угрозой распространения компрометирующей информации); психологического давления, связанного с культурными нормами (страх «позора» для семьи); зависимости от преступника (служебной, финансовой, эмоциональной). Формально такие ситуации могут не подпадать под признаки ст. 131 УК РФ, поскольку отсутствует непосредственная физическая угроза, однако морально они представляют собой явное принуждение [1, с. 215].

Другая проблемная зона – оценка беспомощного состояния. Судебная практика демонстрирует разночтения в трактовке этого понятия, особенно в случаях алкогольного или наркотического опьянения потерпевшего. В одних решениях суды признают такое состояние основанием для квалификации по ст. 131, в других – отказывают, ссылаясь на недостаточную степень утраты способности к сопротивлению. Это создаёт впечатление произвольности правоприменения и подрывает доверие к справедливости системы.

Особую остроту приобретает вопрос освобождения от ответственности. Уголовный кодекс РФ предусматривает несколько оснований для этого: Особую остроту приобретает вопрос освобождения от ответственности. Уголовный кодекс РФ предусматривает несколько оснований для этого: примирение с потерпевшим (ст. 76 УК РФ), деятельное раскаяние (ст. 75 УК РФ), истечение сроков давности (ст. 78 УК РФ), а также специальные правила для отдельных составов (например, примечание к ст. 134 УК РФ, допускающее освобождение от наказания при вступлении в брак с потерпевшим, не достигшим 16 лет).

Однако применение этих норм в делах о сексуальном насилии вызывает дискуссии:

- примирение в делах об изнасиловании редко возможно из-за тяжести преступления и глубины психологической травмы, но в «пограничных» случаях (например, при сомнениях в наличии насилия) оно может восприниматься как уход от ответственности;
- деятельное раскаяние, выражающееся в содействии раскрытию преступления, иногда приводит к смягчению наказания, что для жертвы выглядит несправедливым: преступник получает льготу, а она — недостаточную компенсацию вреда;
- истечение сроков давности формально прекращает уголовное преследование, даже если вина доказана, что воспринимается как безнаказанность [4, с. 131].

При этом в отдельных случаях жертва может пойти на примирение с насильником и такое решение почти никогда не бывает простым или спонтанным. За ним, как правило, стоит сложный комплекс психологических, социальных, экономических и культурных факторов, действующих совокупно и усиливающих друг друга.

С психологической точки зрения ключевую роль играют защитные механизмы психики, сформированные в условиях длительной травмы. Так, у жертвы может развиваться травматическая привязанность: вопреки логике и собственному благополучию она начинает оправдывать действия обидчика, искать для них «смягчающие» обстоятельства, бояться разрыва отношений. Этому способствует и выученная беспомощность — состояние, при котором многократные попытки изменить ситуацию заканчиваются неудачей, и человек перестаёт верить в возможность перемен, принимая существующее положение как неизбежность. Нередко жертва впадает в самообвинение: она убеждает себя, что «сама спровоцировала» насилие, «недостойна лучшей участи» или «должна терпеть», что существенно снижает готовность бороться и искать защиту. В ряде случаев срабатывает механизм отрицания или диссоциации: чтобы выжить, психика «отключает» эмоции, минимизирует значение произошедшего, избегает разговоров о травме.

Существенную роль играют страх и угрозы. Насильник может открыто угрожать убийством, увечьями или расправой над близкими; использовать косвенные методы давления — шантаж (например, угрозой распространения компрометирующих материалов), обещание лишить жилья, средств к существованию или отобрать детей. Жертва нередко опасается мести после обращения в правоохранительные органы: она боится, что агрессор станет ещё более жестоким или найдёт способы ей навредить.

Экономическая и бытовая зависимость также серьёзно ограничивает выбор. Если у жертвы нет собственного дохода, жилья или работы, разрыв отношений может означать реальную угрозу выживания. Особенно это актуально, когда необходимо обеспечивать детей без поддержки насильника либо зависеть от общего имущества, транспорта или доступа к базовым ресурсам (например, в сельской местности).

Социальная изоляция и давление окружения усугубляют ситуацию. Насильник часто целенаправленно ограничивает контакты жертвы с друзьями, семьёй и коллегами, лишая её поддержки и информации. Близкие люди (родители, родственники) могут требовать «сохранять семью», «не выносить сор из избы», обвинять жертву в провоцировании конфликта. Общественное осуждение, страх стать «позором семьи», столкнуться с клеветой или быть отвергнутой сообществом заставляют жертву молчать. Культурные или религиозные нормы, предписывающие безусловное подчинение мужу или старшим, запрет на развод, дополнительно сковывают её действия.

Определённую роль играет надежда на изменение поведения насильника. После эпизода насилия агрессор может демонстрировать раскаяние: дарить подарки, обещать «всё исправить», создавать иллюзию, что ситуация улучшится. Жертва верит, что «он на самом деле хороший», «просто сорвался», «больше не повторится». Если у насильника есть зависимость (алкогольная, наркотическая) или психические расстройства, жертва может надеяться, что лечение решит проблему.

Нередко жертва не обращается за помощью из-за отсутствия доверия к системе. Она может не верить в эффективность полиции и суда, опасаясь, что: заявление проигнорируют, будут обвинять её или затянут расследование.

Негативный опыт прошлых обращений, языковые или культурные барьеры (для мигрантов, представителей малых народов), недостаток информации о правах и доступных ресурсах (кризисных центрах, юристах, психологах) также препятствуют поиску защиты.

Особенности сложившихся общественных отношений в этой сфере и история насилия формируют устойчивый бытовой контекст терпимости. Длительная совместная жизнь, общие дети, имущество и воспоминания создают эмоциональную привязанность, затрудняющую разрыв. Цикл насилия (нарастание напряжения → взрыв → примирение → «медовый месяц») создаёт иллюзию «нормальности» отношений. Если насилие начиналось постепенно (сначала психологическое, затем физическое), жертва может долго не осознавать момент, когда ситуация стала необратимо опасной.

Возраст и уязвимость усиливают зависимость. Дети и подростки могут не понимать, что произошло, бояться наказания за «неподобающее» поведение, стыдиться. Пожилые люди опасаются остаться без ухода или потерять социальный статус. Люди с инвалидностью оказываются в особой уязвимости, если насильник одновременно выступает их опекуном.

Дополнительно осложняет ситуацию контраст между правилами для разных составов. Так, ст. 134 УК РФ допускает освобождение от наказания через брак, тогда как за изнасилование (ст. 131 УК РФ) подобный механизм неприменим. Хотя это обосновано с правовой точки зрения (различие в объективной стороне преступления), в общественном сознании возникает ощущение неравенства санкций за деяния, имеющие схожую социальную природу.

На основании проведённого анализа можно сделать вывод, что тезис «законы не всегда справедливы, а справедливость не всегда законна» находит яркое подтверждение в сфере регулирования ответственности за изнасилование и иные формы сексуального насилия. Противоречие между формальным действием уголовного закона и представлениями о справедливости проявляется на нескольких уровнях:

Во-первых – жёсткая кодификация составов преступлений (ст. 131, 132 УК РФ) требует доказательства конкретных объективных признаков насилия, угрозы или беспомощного состояния потерпевшего. Однако в реальности механизмы принуждения нередко носят психологический, экономический или социальный характер, что затрудняет квалификацию деяния по действующим нормам. В результате формально правомерные решения могут восприниматься как несправедливые, поскольку не отражают всей глубины причинённого вреда.

Во-вторых – существующие механизмы освобождения от ответственности (примирение с потерпевшим, деятельное раскаяние, истечение сроков давности) в контексте сексуальных преступлений порождают коллизии. Примирение редко возможно из-за тяжести преступления и глубины психологической травмы, но в «пограничных» случаях оно может выглядеть как уход от ответственности, деятельное раскаяние, выражающееся в содействии раскрытию иных преступлений, иногда ведёт к смягчению наказания — и это порождает ощущение несправедливости: преступник получает процессуальные льготы, тогда как жертва не получает адекватной компенсации причинённого ей вреда. Для пострадавшей стороны такое смягчение выглядит как игнорирование её интересов: тяжесть перенесённой травмы и долгосрочные последствия для психического и физического здоровья не находят отражения в правовых последствиях для виновного.

В третьих, на практике реализация закона сталкивается с комплексом социально-психологических барьеров. Жертвы нередко отказываются от преследования преступника не из-за «прощения», а вследствие страха, экономической зависимости, социальной изоляции, самообвинения или надежды на изменение ситуации. Эти факторы, хотя и не имеют прямого юридического значения, существенно влияют на восприятие справедливости правоприменения.

Таким образом, справедливость как морально этическая категория не может быть полностью подчинена формальным правовым нормам, поскольку включает в себя субъективный опыт жертвы, культурно исторический контекст и общественные ожидания относительно защиты достоинства и безопасности. Попытки формализовать все аспекты справедливости в правовых нормах неизбежно приводят к пробелам и неоднозначности, что обуславливает необходимость дальнейшего совершенствования законодательства с учётом психологических и социальных реалий, развития механизмов поддержки жертв – психологической, юридической, материальной — а также повышения доверия к системе правосудия через обеспечение прозрачности и проявление чуткости к потребностям пострадавших. Только комплексный подход, сочетающий строгость закона с пониманием человеческого измерения травмы, способен приблизить правоприменение к идеалу справедливости.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Заряев, А. В. Ювенальное право : учеб. для вузов / под ред. А. В. Заряева, В. Д. Малкова. – Москва : Юстицинформ, 2005. – 317 с.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ.
3. Бриллиантов, А. В. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации по статьям: Практическое пособие / под ред. А.В. Бриллиантова. Том 1. 3-е изд. – Москва : Проспект, 2021. – 947 с. ISBN 978-5-392-34086-6. – URL: (дата обращения: 27.01.2026). – Текст : электронный.
4. Тарабрина, Н. В. Психология посттравматического стресса : теория и практика / Н. В. Тарабрина ; Российская акад. наук, Ин-т психологии. – Москва: Ин-т психологии РАН, 2009. – 302 с. – ISBN 978-5-9270-0143-9.

REFERENCES

1. Zaryayev, A.V. Juvenile law: textbook. for universities / edited by A.V. Zaryayev, V.D. Malkov. – Moscow : Justicinform, 2005. – 317 p.
2. The Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 No. 63-FZ.
3. Diamonds, A.V. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation article-by-article: A practical guide / edited by A.V. Diamonds. Volume 1. 3rd ed. – Moscow: Prospekt, 2021. – 947 p. ISBN 978-5-392-34086-6. – URL: (accessed: 01/27/2026). – Text: electronic.
4. Tarabrina, N.V. Psychology of post-traumatic stress: theory and practice / N.V. Tarabrina ; Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology. - Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2009. – 302 p. – ISBN 978-5-9270-0143-9.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

СОФИЯ ЭДУАРДОВНА ЛАКСАЕВА – студентка Образовательного частного учреждения высшего образования «Московский университет имени А.С. Грибоедова», Москва, Россия, laxaevasofia@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

SOFIA E/ LAKSAYEVA – student at the Educational Private Institution of Higher Education “Moscow University named after A.S. Griboyedov”, Moscow, Russia, laxaevasofia@yandex.ru

Статья поступила 17.07.2026
Принята к печати 25.09.2026